

КУЛЬТУРА

В.Е.Баглай

Жанр хоррора в мировом киноискусстве

Иберийские и западные фольклорные мотивы

В стремлении достичь художественного и коммерческого успеха современный кинематограф активно ищет удачные проекты, где однозначно правильный путь — верный выбор героев и сюжетов. Это касается и фильмов ужасов. В статье рассматривается хоррор в игровом кинематографе, опирающийся на мотивы фольклора и постфольклора. В качестве примера анализируется использование образов монстров из иберийского этнофольклора, а также иных аналогичных персонажей в других культурах. Преимуществом подобных сценариев является их оригинальность. Фильмы на их основе ориентированы на традицию, художественные образы которой органично развиваются вместе с коллективной памятью этносов. Кроме того, формируются инварианты, выходящие за рамки фантазии отдельных кинематографистов. Подобное направление развития хоррора является возможным способом преодоления существующих штампов.

Ключевые слова: хоррор, кинематограф, Испания, фольклор, ужасы.

DOI: 10.31857/S0044748X0023819-9

Статья поступила в редакцию 21.08.2022.

ХОРРОР — ЯВЛЕНИЕ КИНОИСКУССТВА И ПРОДУКТ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В период президентских выборов в США в 2016 г. и в связи с ролью приписываемой в них России, автор одной из газетных статей саркастически заметил, что демократы ищут Бугимена или другого подобного персонажа, на кого (только не на самих себя!) можно было бы переложить вину за исход электоральной кампании [1]. Бугимен (Бука) — герой современ-

Валентина Ефимовна Баглай — доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра зарубежного регионоведения и востоковедения (РФ, 350058 Краснодар, ул. Ставропольская, 149, baglayvalent@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6305-5880>).

ных фильмов ужасов, однако его образ настолько обычен и понятен американцам, что упоминается даже в связи с указанным важнейшим политическим событием. Само же появление Бугимена обусловлено тем, что для современного кинематографа крайне важен художественный и коммерческий успех фильмов ужасов. В интересующем нас игровом кино постоянно идет поиск проектов, успех которых гарантируется правильным подбором героев и сюжетов. Понимая, что основная целевая аудитория — молодое поколение и отчасти лица среднего возраста, современные продюсеры, сценаристы и режиссеры направляют свои усилия именно на нее.

Хоррор как жанр трактуют довольно широко, исходя из типичности образов героев, развития сюжета и т.п. [2, сс. 4-6, 7-8]. Наиболее часто отмечаются гибридность, мультикультурализм, транскulturализм, синкретизм и др. [3]. Хоррор также опирается на авторские концепции и технологии [4, с. 3]. Имеет место и очевидная отсылка к жанровым рецептам массовой культуры [5 с. 2; 6], в силу чего ее образы воспроизводятся в других хоррорах, ремейках, превращаясь в современные мифы, в постфольклор. Энергичный, даже назойливый и агрессивный менеджмент совместно с индустрией развлечений коммерциализируют образы хорроров. Кстати, когда знаменитый американский режиссер Уэс Крейвен в 1984 г. снял первую из девяти серий «Кошмара на улице Вязов», он едва ли предполагал, что образ Фредди Крюгера вытеснит Винни Пуха и медвежонка Руперта даже из детских спален и займет их место в виде весьма характерных постеров [6, сс. 48-49]. Впрочем, известный голливудский режиссер хорроров Рой Ли (однажды снимавший одновременно 50 проектов) отмечал, что угадать, будет ли фильм успешен, практически невозможно [8; 9].

Причина востребованности хоррора во многом заключается в следующем: он предназначен для того, чтобы зритель испытал определенную эмоцию — чувство страха [6, р. 4]. Поэтому главное синтаксическое свойство хоррора и его цель — вызвать страх у реципиента, и этот посыл всегда считывается зрителем [2, с. 16; 7, с. 5]. Как заметил один из авторов, не следует забывать, что ужас некоторым людям приятен, благодаря ему люди получают эмоциональную встряску [10].

Важно отметить, что у зрителей разного возраста, включая детей, интерес к экранному мистицизму вызван, в том числе, и наличием разных страхов. В частности, подростки как формирующиеся личности иногда ощущают себя своего рода общественными изгоями, как похожими те же монстры, вампиры и т.п. [4, с. 4; 11, с. 76]. Важно отметить, что в хорроре всегда должна быть четко прочерчена граница добра и зла.

Идеология фильмов ужасов исторически менялась, особенно за последние десятилетия, когда реальные визуально отраженные ужасы (войны, различные формы насилия и пр.) стали привычным сюжетом новостей, прежде всего, телевизионных. На фоне этих сюжетов классические кинематографические монстры и вампиры перестали пугать, скорее, забавляя, а мистическое зло просто превратилось в часть большого мира [6, pp. 11-12].

Прошло полтора века с того времени, как первый фильм ужасов — «Замок дьявола» — был снят в 1896 г. во Франции режиссером Мари Жоржем Жаном Мельесом на основе сюжета готического, «черного» романа. Знаковым является «Франкенштейн» 1910 г. американского режиссера Джеймса Сирл-Доули (ленты, в которых фигурирует этот образ, с тех пор переснимался не менее 80 раз). В дальнейшем хоррор развивался, в том числе на основе качественной литературы указанного направления. Речь идет, прежде всего, о творчестве американских писателей Эдгара Алана По и Говарда Филлипса Лавкрафта (есть даже понятие «лавкрафтовские ужасы»), а также ирландского писателя Абрахама «Брэма» Стокера с его известным готическим романом «Дракула». Жанр просуществовал на протяжении всего XX столетия. В наши дни востребовано творчество американцев Стивена Кинга и Дина Кунца, британцев Клайва Баркера и Чайна Тома Мьевиля (связанного с литературным направлением, известным как «новые странные», *new weird*, или «странная фантастика», *weird fiction*) и др.

Вместе с тем мало кто станет спорить с тем, что с точки зрения киноискусства, да и требовательного зрителя в целом, сюжеты большинства хорроров поражают своим скучнейшим однообразием и отсутствием оригинальности. Это может свидетельствовать о недостаточном кинематографическом опыте создателей, скудости образных и технических средств выражения идей и т.п., что порождает традиционные для хоррора штампы — повторяющиеся из фильмов в фильмы стиль и средства выражения, образы и персонажи, звуковой и музыкальный ряды, приемы съемки и пр. [8]. Все это приводит к выходу на экраны большого количества картин, которые представляют собой «ужастики», «стандартизированные до изжоги» [10]. К тому же участие актеров в хоррорах, часто не самых качественных, довольно надолго закрепляет за ними определенное амплуа и иногда навсегда лишает надежды на воплощение иных образов, а значит, и на успешную карьеру. Как с горечью отмечал один из актеров, после роли Ганнибала Лектера даже Энтони Хопкинса непросто воспринимать в роли доброго дедушки [12]. Понятно, что это утверждение не совсем справедливо по отношению к выдающимся актерам, тем не менее каждый год в очередных кинематографических октябре — ноябре, традиционных месяцах Хэллоуина с его бесчисленными мероприятиями и изощренной коммерцией, выходит внушительное количество хорроров не самого лучшего качества. Впрочем, все сказанное не означает, что хоррор как продукт кинематографического творчества бесперспективен, необходимо лишь найти новые образы для развития этого направления в современном киноискусстве, и, конечно, новые способы отражения важных для общества проблем.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ МОНСТРОВ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ФИЛЬМАХ УЖАСОВ

Думается, что сценарий хоррора и собственно фильм становятся более оригинальными, если режиссер ориентируется на фольклорные традиции. Преимуществом таких картин является то, что художественные образы развиваются в них органично и вместе с коллективной памятью этноса, формируют инварианты, отличающиеся большим разнообразием, чем порождения фантазии кинематографистов. Фольклор как явление духовной культуры сложен по структуре, и с учетом его главного определения (предание, народная мудрость), в нем можно использовать все — от фантастических образов языческих времен до легенд и преданий разного периода истории этноса, включая современный с его пост-фольклором. Если все это к тому же являются типичным для целых этнокультурных областей, успех их использования в кинематографе может быть весьма значительным.

Примером поиска новых образов с опорой на этнические традиции может служить использование персонажей иберийского и ибероамериканского фольклорного мира, причем не только в испаноязычном, но и в англоязычном и западном хорроре в целом. Так, в списке фильмов ужасов имеется целый ряд названий, где один из главных героев — Кукуй (в значении «страшилище», «фантом», «привидение»). Этим страшилищем иберийского фольклора родители пугали маленьких непослушных детей. Более того, в испаноязычной среде до сих пор родители поют детям колыбельную, в которой говорится о том, что, если ребенок не слушается, то придет злой Кукуй и унесет его с собой.

Конкретные визуальные представления о Кукуе в иберийском фольклорном мире разнообразны и восходят к их дохристианским верованиям. Кукуй — это также пары Куко и Кука, Коко и Кока (мужская и женская ипостась соответственно). Визуальный образ Кукуя — это жуткий персонаж с тыквой вместо головы [13]. В дохристианские времена головы врагов иберийцы насаживали на колья, чтобы напугать побежденных. В видеоизмененном формате после появления в Западной Европе американской по происхождению тыквы она стала атрибутом традиции Хэллоуина. Кроме того, согласно старым кельтским традициям, слово «кокк» («красный») относится к цвету тыквы. В средние века в Португалии и регионах Испании было принято использовать тыквы в некоторых языческих обрядах [14]. По понятным историческим причинам образ Кукуя, превратившись в архетип, стал популярен во многих странах Латинской Америки. В Бразилии больше прижилась женская ипостась: Кока — это антропоморфное существо с телом аллигатора. Этот образ известен и на юге США среди испаноязычного населения, где его называют Коко-Мен, а также Бугимен.

Что касается происхождения имени Бугимен, то оно вполне соотносится с законами формирования фольклорных образов. Восклицание «Бу!!!» используется для устрашения детей, поскольку считается, что именно его издают призраки. В живой природе оно ассоциируется с криками сов, слышать которые ночами считалось плохим предзнаменованием. Кстати, в славянских этнокультурных регионах это породило созвучные Бубак, Бибок, Бабок, Бобок, Бука, а среди тюркских народов — Бабай и т.п. [14].

Как видим, в фольклоре многих народов под разными именами существуют аналоги Кукуя-Бугимена, что неудивительно, поскольку законы развития фольклора универсальны. Здесь отметим только те характерные признаки Кукуя-Бугимена, которые важны для кинематографа. В хоррорах он представляется как собирательный образ, соединивший в себе черты монстров из преданий разных народов, прежде всего интересующего нас мира западной культуры. Разнообразие составных частей данного образа дает богатую пищу для воображения кинематографистов. Само страшилище представляют по-разному: аморфное существо, уродливый худой старик с мешком на спине (в него он и прятал непослушных детей). Это также волосатый монстр, призрак в капюшоне, закрывающем лицо*. В иберийских легендах Кукуй изображен и как маленький гуманоид со светящимися красными глазами. В других описаниях он представляется «черным существом», но не из-за цвета кожи, а потому, что прячется в опасных, темных местах. В европейских языческих поверьях также упоминается «черный человек» («человек темноты»). Например, у германских народов — это «Черный Пит», слуга святого Николая, который помогает раздавать детям подарки, но забирает с собой в мешок непослушных. В Италии «черного человека» представляли высоким мужчиной в черной куртке с капюшоном или в шляпе, скрывающими его лицо. На территории современной Бельгии подобный персонаж был известен как красноглазый колдун, каннибал, оборотень, превращающийся в черную собаку. Это также разнообразные драконы. Они являлись частью средневековых карнавалов в Западной Европе, особенно, в Испании и Португалии, воспроизводящих битву Святого Георгия и дракона Ла Коки. Во Франции — это жуткий Тараск, который описывается как дракон с черепашим панцирем. Кукуй-Бугимен и другие страшилища, согласно народным поверьям, прячутся в шкафу, под кроватью, в сарае, на чердаке, в лесу и т.д. Судьба непослушных детей в этих представлениях варьируется — от пожирания их самим страшилищем до передачи ведьмам и другим ужасным существам. В поверьях, бытовавших на территории нынешней Бельгии, красноглазый оборотень, превратившись в собаку, съедает непослушных детей. Итальянский «черный чело-

* В связи с персонажем в капюшоне не лишне напомнить о том, что у Франсиско Гойи на одном из листов известной серии «Капричос» изображена подобная фигура, которая в позе устрашения противостоит матери с детьми. Название весьма красноречиво — «Кукуй идет» (*Que viene el Coco*).

век» уносит детей в таинственное страшное место. В Нидерландах монстр забирает непослушных детей и запирает их в подвале [14].

Любопытен, кстати, постфольклорный образ страшилища среди гаитян. С сохранением перечисленных характеристик монстра как «старика с мешком» его ассоциируют и с тайной полицией диктатора Франсуа «Дока» Дювалье (1957—1971 гг.) и называют Тонтон Макут (известно, что названные в честь монстра отряды похищали и уничтожали неугодных диктатору людей) [14].

Кстати, образ Кукуя оказал влияние на формирование нового персонажа постфольклора — так называемого Чупакабры. В середине 90-х годов XX в. в США распространились поверья о некоем двуногом существе, похожем на рептилию с шипами на спине, которое, якобы, терроризировало владельцев ранчо, нападая на животных и людей. Популярность этого существа выросла до такой степени, что легенда, первоначально родившаяся в англо- и испаноговорящем Пуэрто-Рико, была подхвачена шоу-бизнесом и бизнесом вообще, а сам персонаж стал появляться в американских телешоу и фильмах. Например, он представлен в 11-й серии 4 сезона «Секретных материалов» (создателем 218 эпизодов (*sic!*) является Крис Картер) [13].

Интерес североамериканцев к латиноамериканским фольклорным монстрам не является чем-то новым. Следует упомянуть хотя бы рассказ Рэя Брэдбери о мумиях из Гуанахуато (известный в Мексике музей мумий), а также интерес к упомянутому Чупакабре. Увлечение граждан США иbero-американским персонажем может быть связано с понятным отсутствием собственного мифологического наследия. Его приходится придумывать, как это сделали упомянутые выше С.Кинг с его «детьми кукурузы» или Г.Ф.Лавкрафт со своим знаменитым Ктулху. Образ последнего пользуется огромной популярностью и появляется не только в телесериалах и кинофильмах, но и во множестве «сопутствующих товаров», не имея при этом в США никаких исторических корней [13].

Отсюда понятно, почему современный кинематограф, прежде всего через продукцию Голливуда, открыл для образа Кукуя-Бугимена необъятные горизонты. Новый герой фильмов ужаса способствует соединению кинопродукции, ориентированной на фэнтези и хоррора. Сюда также следует добавить упоминавшееся выше огромное влияние массмедиа и массовой культуры, агрессивную традицию монетизации всего, что только возможно. Отмечая факт широкого использования персонажа Кукуя-Бугимена в западном кинематографе, один из авторов иронично подметил, что латиноамериканское страшилище Кукуй теперь пугает по-английски [14].

Образ кинематографического Кукуя-Бугимена формируется в каждом фильме в зависимости от целей создателей. Не таким давним примером является фильм ужасов «Эль Кукуй (Бугимен)» (США, 2018 г., режиссер Питер Салливан), в начальных кадрах которого бабушка предупреждает мальчика, что, если он не будет слушаться, то монстр его съест.

В телесериале «Гримм» (2013 г.) режиссера Джона Беринга совместного производства США, Чехии и Великобритании в пятой серии под названием «Эль Кукуй» персонаж представлен в облике немолодой женщины, жесто-

ко карающий преступников. В начальных титрах серии представлен эпиграф в виде строк из известной в иберийском этнокультурном мире колыбельной о Кукуе. Более ранний короткометражный фильм с аналогичным названием «Эль Кукуй: Бугимен» (США, режиссер Крис Амбриз) вышел в 2012 г. Здесь Кукуй наказывает молодую женщину за жестокое преступление. Во второй серии четвертого сезона американского молодежного телесериала-фэнтези группы режиссеров «Волшебники из Вэйверли Плэйс» 2007—2012 гг. Кукуи — это целая семья богатых латиноамериканцев (пример авторской трактовки образа классического иберийского фольклора).

Один из лучших фильмов с отражением образа Кукуя сняли австралийцы. Имеется в виду хоррор «Бабадук» (2014 г., режиссер Дженнифер Кент), где представлена фольклорная параллель образа Кукуя — Бабадук. Впрочем, по словам Дж.Кента, образ Бабадука был навеян монстрами из картины режиссера Тода Браунинга «Лондон после полуночи» (1927 г.). Режиссер известной ленты «Изгоняющий дьявола» (США, 1973 г.) Уильям Фридкин отметил, что фильм «Бабадук» можно поставить в один ряд с такими признанными хоррорами, как «Психо» (США, 1960 г., режиссер Альфред Хичкок), «Чужой» (США, 1979 г., режиссер Ридли Скотт), «Дьяволицы» (Франция, 1954 г., режиссер Анри-Жорж Клузо). Кстати, он назван лучшим хоррором 2014 г. (87 баллов из 100).

Но вот что удивительно: хотя количество персонажей, подобных Кукую-Бугимену, в ибероамериканском фольклорном сознании велико, в кинематографе Латинской Америки напрямую они представлены слабо. Причина, очевидно, в том, что в силу органичности, с которой латиноамериканцы воспринимают этот и подобные ему образы фольклора, он их не пугает. Известно, что при смене верований, прежде важные мифы превращаются в сказки, т.е. перестают быть объектом веры. Именно так произошло в ходе утверждения христианства как мировой религии.

К сожалению, латиноамериканские «фолк-ужасы» не были объектом внимания исследователей, за исключением, возможно, хорроров Мексики [15]. Поэтому мы можем оперировать по большей части пресс-релизами, короткими, более или менее профессиональными по содержанию заметками в СМИ, рекламой, мнениями блогеров, любителей этого жанра киноискусства и т.п. Есть также популярный фан-сайт [16], где можно прочитать и вполне качественные обзоры выпускаемых фильмов. Очевидно, что хорроры здесь схожи, так как они создавались в странах, имеющих общую историческую и культурную историю, хотя и со своими культурными особенностями (например, в Бразилии сильная литературная традиция). К тому же персонажи мистического характера (вампиры, призраки, зомби и пр.), типичные для европейской литературы, появились здесь еще в XIX в., объединив практику жанра Старого Света с местной [15].

Хотя большинство стран Латинской Америки занимает не столь важное место в ряду производителей кинематографического хоррора, здесь есть и исключения. Так, специалисты отметили колумбийский фильм «Конец призрака» (2006 г., режиссер Хуан Филипе Ороско). В 2013 г. Альфонсо

Пинеда Уллоа снял по его мотивам мексиканский ремейк «Призрак», а голливудский продюсер Рой Ли приобрел права на создание ремейка в США [17]. На удивление весьма интересной для специалистов и зрителей оказалась уругвайская картина «Тихий дом» (2010 г.) Густаво Эрнандеса. Премьера прошла с большим успехом, фильм был продан более чем в 30 стран. Кстати, в 2011 г. режиссерами Крисом Кентисом и Лорой Лау был снят франко-американский ремейк под тем же названием.

Еще один интересный пример — чилийский хоррор «Вечная кровь» (2002 г., режиссер Хорхе Ольгин), ставший одним из самых кассовых фильмов ужасов Латинской Америки [17]. Среди недавних совместных с Чили мексиканских картин — хоррор «Убежище дьявола» (2017 г., режиссер Гильермо Амодео). В Аргентине, выделяющейся в латиноамериканском кинематографе своей большой активностью, в последние 20 лет также снимаются фильмы ужасов. Среди недавних хорроров — лента «Вторая смерть» (2012 г., режиссер Сантьяго Фернандес), в сюжет которой своеобразно вплетены христианские мотивы: за таинственными убийствами скрывается Дева Мария, якобы мстящая человечеству за казнь Христа [17].

В латиноамериканских фильмах ужасов довольно сложно проследить фольклорные мотивы, в частности, образ Кукуя-Бугимена. Например, аргентинская музыкальная картина «Я еду в Гавану» (1950 г., режиссер Луис Байон Эррера) является не хоррором, но примером использования имени Кукуя в одном из музыкальных номеров — *Que viene el coco, mamá* («Вот идет бука, мама»).

Фольклорные мотивы более заметны в имеющем сравнительно длительную историю кинопроизводстве Мексики [18]. Собственно, сам хоррор стал появляться здесь благодаря влиянию США, начиная с 30-х годов XX в. [15]. Среди фильмов на региональную культурную и фольклорную тематику показательна трилогия с весьма характерными названиями — «Мумии ацтеков», «Проклятие мумии ацтеков», «Робот против ацтекской мумии». Последние соединяют в себе элементы научной фантастики, фэнтези и хоррора на основе местных фольклорных образов. Все три фильма были сняты в 1957 г. Рафаэлем Портильо [6, р. 13]. Мексиканская картина 1964 г. режиссера Рэне Кардона «Женщины-рестлеры против ацтекской мумии» — также об ацтекской мумии. Еще один фильм, основанный на региональном мексиканском материале, — «Святой против мумий Гуанахуато» (1970 г., режиссер Федерико Куриэль). Традиционными средствами хоррора в нем обыгрывается факт нахождения в г. Гуанахуато Музея мумий. «Похищение мумий из Гуанахуато» (Мексика, Гватемала, 1972 г., режиссер Тито Наварро) — еще одна картина о мумиях и, наверняка, не последняя [18]. Примечателен мексиканский сериал «Варварская Мексика» (2014 г.), снятый одновременно восемью мексиканскими режиссерами. Здесь в пятом сезоне представлен аналог Кукуя, а в восьмом обыгрываются традиции Дня Мертвых.

В США мексиканская фольклорная тематика была использована уроженцем Техаса Робертом Родригесом в его известном фильме «От заката до рассвета» (1996 г.). В заключительных кадрах фильма злое бар, где происходит основное действие, превращается в мексиканскую пирамиду

(намек на природу вампиров, связанных с кровавыми ритуалами ацтеков). Тема культуры древних ацтеков отражена в канадском фильме «Маска» 1961 г. Джулиана Роффмана. По сюжету древняя маска ацтеков вызывает у ее владельца галлюцинации и желание убивать.

Среди мексиканских фильмов, основанных на фольклорном материале, следует особенно отметить ленту «Плачущая», или «Льорона» (1933 г.) режиссера Рамона Пеона. В картине используется широко распространенная в странах Латинской Америки легенда о женщине-индейке, покончившей с собой после того, как она в состоянии безумной ревности утопила своих детей, рожденных от конкистадора [19]. Впоследствии, осознав чудовищность своего поступка, женщина также утопилась, однако ее душа не может обрести покой, пока не найдет убитых. Согласно местным поверьям, с тех пор ее призрак появляется ночами у водоемов и с душераздирающими рыданиями зовет детей. Фильм понятен мексиканцам еще и потому, что в мифологии древних ацтеков есть представление о скелетообразных душах женщин, умерших при родах, так называемых Сиуатетео, которые, якобы, похищали детей, а также вступали в сексуальные связи с живыми, вызывая сумасшествие. Кстати, образ плачущей женщины присутствует и в эсхатологии древних ацтеков как шестое предзнаменование о гибели их государства [13; 20, v.2, p. 292]. С картиной «Плачущая» у мексиканцев ассоциировался и образ Девы Марии Гваделупской.

Мексиканский кинематограф неоднократно обращался к персонажу Девы Марии Гваделупской, хотя и не всегда буквально отражая легенду. В фильме «Проклятие плачущей женщины» (1961 г.) режиссера Рафаэля Баледона представлен призрак плачущей ведьмы, которая когда-то была убита с помощью заколдованного креста. Как отметил один из рецензентов, хотя оба персонажа — и Льорона, и Кукуй-Бугимен — устрашающие, у каждого мексиканца или мексиканки есть воспоминания детства, связанные с ними [19; 21].

В США также периодически обращались к образу Льороны. Он используется в девятом эпизоде второго сезона упомянутого телесериала «Гримм». Персонаж «женщина в белом» (эпизод 1, сезон 1) телесериала «Сверхъестественное» (США, 2005—2019 гг., режиссер Эрик Крипке) имеет большое сходство с Льороной. Она же появляется как генетический эксперимент в 16-й серии американского телесериала «Человек-невидимка» 2000—2002 гг., снятого коллективом режиссеров. В 2019 г. в США Майкл Чавес выпустил фильм «Проклятие Льороны», своеобразно повторяющий легенду (главная героиня пытается спасти своих детей от этого призрака). Интересным является хоррор «Не бойтесь темноты» (США, Австралия, Мексика, 2010 г., режиссеры Метью Роббинс и Гильермо дель Торо). В нем среди персонажей угадывается Кукуй-Бугимен. В 2016 г. режиссер Стейси Тайтл снял картину «Бай-Бай-Мен» (США, Китай).

Льорона в некоторых фильмах трансформируется в образ ведьмы — персонаж практически любого классического фольклора, известный под разными именами. Например, знаменитый фильм по мотивам романа Джо-

на Апдайк «Иствикские ведьмы» (США, 1987 г., режиссер Джордж Миллер). В свое время «Ведьма из Блэр: курсовая с того света» (США, 1999 г., режиссеры Дэниел Мирик и Эдуардо Санчес), снятый в жанре псевдодокументалистики, наделал много шума, но сейчас оценивается не очень высоко [11, с. 82]. Из сравнительно недавних — известный хоррор «Ведьма: сказки Новой Англии» (США, Великобритания, Канада, 2015 г., режиссер Роберт Эггерс.), где воссоздано мировосприятие общества XVII в.

Американские фильмы ужасов — тема необъятная, в частности потому, что создатели картин используют легенды, образы и сюжеты ранее снятых игровых фильмов и создают новые. В результате в США хоррор, появившийся еще в начале 1930-х годов, к настоящему времени сформировал несколько персонажей постфольклорной природы: Крюк, Кэндимен, Фредди Крюгер [4, с. 3; 11, сс. 81-82]. На основе легенд новейшего времени и комиксов под влиянием образов европейских «фольк-ужасов» — Франкенштейн, Дракула и пр. И вот теперь появился Кукуй-Бугимен с иберийскими корнями, образ, часто и успешно используемый в современном хорроре. И конечно, Чупикабра. Образы Кукуй-Бугимена и Льороны повсеместно воплощаются в индустрии развлечений США (например, в тематическом парке киностудии *Universal*). Творческие люди берут себе псевдонимы этих персонажей, получают награды. Например, подобную тематическую награду получил знаменитый кинорежиссер Гильермо дель Торо [22].

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ ХОРРОРЕ

В европейском хорроре также присутствуют фольклорные монстры, причем, действие во многих из кинолент соотнесено с нашим временем или недалеким прошлым. В сценариях используются как оригинальные, так и воспроизведенные на основе произведений художественной литературы этнические образы.

Если в мексиканском кинематографе фольклорные образы иберийского Кукуя и мексиканской Льороны встречаются довольно часто, то на родине Кукуя — в Испании и Португалии — они отражены слабо. Это компенсируется тем, что западноевропейский хоррор интернационален. Тем не менее образ Льороны (или схожий) можно встретить в сюжетах фильмов ужасов, снятых во многих европейских странах. Так, в основе сценария испано-мексиканского фильма «31-й километр» режиссера Ригоберто Кастаньеды (2006 г.) — легенда о «плачущей женщине». Интересен испано-канадский хоррор режиссера Андреса Мускетти «Мама», (2013 г.), где по сюжету герой фильма старается спасти двоих детей от призрака женщины, пытающейся увести их с собой.

В Португалии фильмы ужасов снимают как самостоятельно, так и совместно с разными странами — Испанией, Францией и даже Россией и ОАЭ (например, «Лес потерянных душ», 2017 г., режиссер Жозе Педру Лопеш). Португальский хоррор напоминает французские «фольк-ужасы», в которых, как правило, используются интернациональные образы зомби, вампи-

ров и пр. Вместе с тем, следует назвать французскую картину «Братство друидов» (2002 г.) режиссера Дага Хэдлайна, где представлены фольклорные образы древних кельтов. Французско-марокканский фильм ужасов «Бугимен» (2018 г.) режиссера Ивана Афанасьева создан под влиянием романа Стивена Кинга «Оно», но в нем обыгрывается марокканский народный праздник «Детская ночь». К слову, в турецком фильме ужасов «Мэджи» (2016 г., режиссер Хасан Караджаг) переплетены христианские и арабские верования, и в нем традиционные джины побеждают Адольфа Гитлера.

Следует упомянуть такие фильмы, как «Бугимен» (2005 г.), «Бугимен-2» (2007 г.), «Бугимен-3» (2008 г.), «Бугимен-4» (2021 г.) режиссера Стефена Кэя (Германия, США, Новая Зеландия). В 2023 г. американский кинематографист Роб Сэвадж планирует выпустить очередную картину о Бугимене.

В Италии в последние лет десять интерес к хоррору, получившему название джало («желтые» — от цвета обложек, в которых печатались детективы), в значительной степени утрачен [6, р. 4]. «Фольк-ужасы» снимаются в Швейцарии, примером чего является лента «Пастушья кукла» (2010 г.) Михаэля Штайнера, где представлен образ ведьмы в современных условиях. Хорошие отзывы получил норвежский малобюджетный фильм «Хвост» (2012 г., режиссер Александр Нордос), где использован образ из скандинавской мифологии — хульдры — существа в облике прекрасной белокурой лесной девушки с коровьим хвостом.

Режиссер британского фильма «Ритуал» (2017 г.) Дэвид Брукнер также использует фольклор, в частности, образы йотунов (хтонических инеистых великанов). Главной особенностью кинематографических «фольк-ужасов» Великобритании является почти обязательное обыгрывание фольклора, ландшафтов и атрибутов средневековой Англии. Это, например, фильм «Великий инквизитор» (1968 г.) Майкла Ривза, известный также под названиями «Убийца ведьм» и «Главный ведьмоллов». Картина «Плач Банши» (1978 г., режиссер Гордон Хесслер) тематически схожа с «Великим инквизитором». Знаменитой считается лента «Плетеный человек» (1973 г.) Робина Харди, наиболее точно раскрывающая атрибуты английского фольклора, христианства, язычества и особых древних обрядов. «Плетеный человек» — фильм, ставший образцово-легендарным, поскольку любую новую картину, которая затрагивает темы фольклора, обрядов и ритуалов, неизбежно сравнивают с ним. В 1978 г. «Плетеный человек» стал «Лучшим фильмом ужасов», получив премию «Сатурн». С.Кинг включил его в свой список 100 значимых хорроров за 1950—1980 гг., а Кристофер Ли назвал роль, которую он здесь исполнил, лучшей в своей карьере [23].

Кстати, самым известным и самым жестким фольклорным фильмом ужасов с изображением наиболее жутких средневековых пыток считается немецкий хоррор «Печать дьявола» (1970 г.) Майкла Армстронга и Адриана Ховена. До сих пор большинство его сцен выглядят шокирующе [24].

Ирландия — одна из немногих стран, которая славится своими успешными «фольк-хоррорами», популярными во многих странах. В мифологии Ирландии полно легенд о древних духах, феях, лепреконах и т.д. В фольк-

лоре популярны темы оккультизма, ведьмовства и языческих традиций [25]. Ирландский продюсер Брендан МакКарти отметил такие национальные хорроры, как «Вишневое дерево» (2015 г., режиссер Дэвид Китинг), «Из тьмы» (2015 г., режиссер Корин Харди). Режиссер Ли Кронин в 2018 г. снял известный фильм «Другой» [26].

Примечательны хорроры, снятые на основе еврейского фольклора, в частности, с использованием образа злого духа, воплощенной души человека, умершего неестественной смертью, — Диббука. Один из первых среди них — польский фильм, снятый на идиш, «Диббук» (1937 г., режиссер Михал Вашыньский) — история юноши, погибшего в день свадьбы отвергнувшей его девушки. Образ Диббука был отражен в американо-канадской картине «Одержимость» (2012 г., режиссер Уле Борнедаль), где по сюжету этот злой дух находился в шкафу. Кстати, во французском сериале «Напарники: Астрид и Рафаэлла» (второй сезон, шестая серия, 2019 г., режиссеры Эльза Беннет, Ипполит Дард, Фредерик Берт) по сюжету одному из действующих лиц Диббук явился через сотовый телефон. Фольклорный образ Диббука присутствует в фильме ужасов, поднимающем и по-своему отражающем трагическую тему Второй мировой войны. В американском хорроре 2009 г. «Нерожденный» Дэвида Гойера ребенок, убитый доктором Йозефом Менгеле в лагере смерти Аушвиц, представлен как Диббук. Так, древний образ стал частью мировоззрения еврейского народа новейшего периода истории. Следует также отметить получивший положительные отзывы фильм израильских режиссеров братьев Йоава и Дорона Паз «Голем: Начало» (2018 г.), где голем — это первородное зло. Еврейские ритуалы, каббала, оккультный мистицизм, древние рукописи в изобилии отражены в «Големе», однако, это — не голливудская калька, поскольку здесь не так уж много «привычных» хоррорных штампов и предсказуемых сюжетных ходов [23].

Пример использования европейского фольклора в хорроре за пределами Европы — американская франшиза с элементами комедии «Лепреккон» (1993—2013 гг., режиссер Марк Джонс), где по сюжету лепрекконы обосновались в Лас-Вегасе. В хорроре «Крампус», снятом в 2015 г. режиссером Майклом Догерти, главным героем рождественской истории является не Санта-Клаус, а его звероподобный антипод из немецкого фольклора.

Словом, лучший хоррор не тот, который насыщен самыми навороченными эффектами, а тот, что ближе всего подберется к струнам души зрителя. И хоррор как явление кинематографа не будет восприниматься в качестве «низкого жанра», если в основе фильма — сильная драматургия. В таком случае будет справедливым утверждение, что фильмы ужасов — это драмы, которые прячутся в хорроре. Но для этого драматургия таких картин должна быть качественной.

Один из самых перспективных и почти всегда беспронигрышных подходов — использование фольклора [23]. Преодолеть безвкусицу и примитивизм, свойственный бесчисленному количеству фильмов ужасов, позволяет обращение кинематографистов к этнофольклору, содержащему значительное число удивительных, фантастических образов и персонажей. В фольк-

лоре любого народа собрано творчество многих поколений, важнейшие, вечные темы, такие как добро и зло, жизнь и смерть в их бесконечных проявлениях. Подобная основа выводит хоррор из сферы примитивных образов массовой культуры и делает его настоящим образцом кинематографического искусства. В хорроре также может отразиться и его национальное своеобразие, как, например, в российском хорроре — юмор с его широко известной ярко выраженной самоиронией [27; 28].

Когда Альфреда Хичкока спросили, почему он не снял свой знаменитый фильм «Психо» в цвете, тот ответил, что хотел избежать непереносимой пошлости красной крови, капающей на белую ванну. Сегодня такой подход кажется старомодным, поскольку мегалитры красной жидкости, вылившейся на экраны в последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что режиссеры хорроров думают о чем угодно, но только не о пошлости в хичковском понимании. [7, с. 35]. Можно надеяться, что в хоррорах, снятых по сценариям с этнофольклорной составляющей, даже если и будет проливаться кровь, то с благородной целью — стремлением отразить важнейшие, волнующие людей проблемы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Roberts P.C. American Horror Story: How the Democrats found a boogeyman in Hillary's Emails. Available at: <https://katehon.com/en/article/american-horror-story-how-democrats-found-boogeyman-hillarys-e-mails?ysclid=193ya903hv897840640> 1.08.2016 (accessed 23.06.2022).
2. Ионов А.Ю. Жанровые особенности американского фильма ужасов 1990-2000-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Специальность 17.00.09. Теория и история искусства. СПб., 2017, 24 с. [Ionov A.Yu. Zhanrovye osobennosti amerikanskogo fil'ma uzhasov 1990-2000-Kh godov. [Genre features of the American horror film of the 1990s-2000s]. Saint-Petersburg, 2017, 24 p. (In Russ.).]
3. Suppia A.L. Horror in Literature and Film in Latin America. Available at: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199766581/obo-9780199766581-0124.xml> (accessed 19.08.2019).
4. Артемьева О.Э. Эволюция эстетической модели жанра «хоррор» в американском кино. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2010, 24 с. [Artem'eva O. E. Evolyutsiya esteticheskoi modeli zhanra «khorror» v amerikanskom kino [Evolution of the aesthetic model of the horror genre in American cinema]. Moscow, 2010, 24 p. (In Russ.).]
5. Спутницкая Н. Ю. Волшебная сказка и фольклорные традиции в российском детском кино: на материале игровых фильмов 1930 - 2000-х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2010, 24 с. [Sputnitskaya, N. Yu. Volshebnaya skazka i fol'klornye traditsii v rossiiskom detskom kino: na materiale igrovykh fil'mov 1930 - 2000-kh gg. [Fairy tale and folklore traditions in Russian children's cinema: based on the material of feature films of the 1930s - 2000s]. Moscow, 2010, 24 p. (In Russ.).]
6. Barry K. Screams on Screens: Paradigms of Horror. Available at: <http://journals.sfu.ca/loading/index.php/loading/article/view/85> (accessed 4.07.2019).
7. Арабов Ю.Н. Кинематограф и теория восприятия. Учебное пособие. Москва: ВГИК, 2003, 106 с. [Arabov Yu.N. Kinematograf i teoriya vospriyatiya. Uchebnoe posobie. [Cinematography and theory of perception]. Moscow: VGIK, 2003, 106 p. (In Russ.).]
8. Рогова А. «Хоррор — самый экономный жанр». Режиссер Святослав Подгаевский — об эволюции фильмов ужасов и неоднозначности русского фольклора. *Известия*, М., 13.07.2018. [Rogova A. «Khorror — samyi ekonomnyi zhanr». Rezhisser Svyatoslav Podgaevskii — ob evolyutsii fil'mov uzhasov i neodnoznachnosti russkogo fol'klora. [" Horror-the most economical

genre." Director Svyatoslav Podgaevsky - about the evolution of horror films and the ambiguity of Russian folklore]. *Izvestiya*, Moscow, 13.07.2018. (In Russ.).

9. Бондарев С. Рой Ли о будущем хоррора в мире, в России... И о правильном хоррор-отцовстве. [Bondarev S. Roy Li o budushchem khorroro v mire, v Rossii... I o pravil'nom khorror-ottsovstve. [Roy Lee on the future of horror in the world, in Russia... and the right horror fatherhood]. Available at: <https://russorosso.ru/features/interviews/roy-lee-interview-november-2016/> (accessed 12.07.2019). (In Russ.).

10. Аленушкина А. Не пой, красавец мой, при мне. [Alenushkina A. Ne poi, krasavets moi, pri mne. [Do not sing, my handsome man, in front of me]. Available at: [https://www.kinoafisha.info/reviews/8327471/#\(accessed 28.06.2019\)](https://www.kinoafisha.info/reviews/8327471/#(accessed 28.06.2019)). (In Russ.).

11. Ионов А.Ю. Взаимовлияние популярного кино и городских легенд на примере фильма ужасов. *Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ*, № 22, (2-2016), июнь-сентябрь, сс. 76-84. [Ionov A. Yu. Vzaimovliyaniye populyarnogo kino i gorodskikh legend na primere fil'ma uzhasov. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal ARTIKUL'T*. N 22, (2-2016), iyun'-sentyabr', pp. 76-84. [The mutual influence of popular cinema and urban legends on the example of a horror film]. Available at: [http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/022/ARTICULT-22_\(2-2016,P.76-84\)-Ionov.pdf](http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/022/ARTICULT-22_(2-2016,P.76-84)-Ionov.pdf) (accessed 09.10.2019). (In Russ.).

12. Hawke E. "No hay nada más terrorífico que la leyenda del hombre del saco". Available at: <https://hoy.com.do/ethan-hawke-no-hay-nada-mas-terrorifico-que-la-leyenda-del-hombre-del-saco/> (accessed 11.08.2022).

13. Vázquez R.A. Los fantasmas latinos que asustan en inglés Available at: https://elpais.com/sociedad/2019/09/13/actualidad/1568410623_629029.html (accessed 11.10.2021).

14. Cronida A. El Boogeyman, El Coco y La Cuca. Available at: <https://arescronida.wordpress.com/2011/03/10/el-boogeyman-el-coco-y-la-cuca/> (accessed 08.10.2021).

15. Watson Z. 5 Great Horror Movies From Latin America You've Probably Never Heard Of. Available at: <https://www.inverse.com/article/15505-5-great-horror-movies-from-latin-america-yo> on May 11, 2016 (accessed 8.11.2019).

16. Horror Movies.ca. Available at: <https://pt-br.facebook.com/HorrorMoviesca/> (accessed 11.08.2019).

17. Risner J. Blood Circuits: Contemporary Argentine Horror Cinema (SUNY series in Latin American Cinema) Hardcover. August 1, 2018. Available at: <https://www.amazon.com/Blood-Circuits-Contemporary-Argentine-American/dp/1438470754> (accessed 01.10.2019).

18. Thornton N. Mexican Film. Available at: <https://www.oxfordbiblio-graphies.com/view/document/obo-9780199791286/obo-9780199791286-0214.xml> (accessed 08.09.2019).

19. Сорокина Я.В. Образ Плакальщицы (Ла Льороны) как фактор становления этнокультурного самосознания мексикано-американцев. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., МГУ им. М.В.Ломоносова, 2009, 24 с. [Sorokina Ya.V. Obraz Plakal'shchitsy (La Llorony) kak faktor stanovleniya etnokul'turnogo samosoznaniya meksikano-amerikantsev [The image of the Mourner (La Llorona) as a factor in the formation of the ethno-cultural identity of Mexican-Americans]. Moscow, MGU im M.V. Lomonosova, 2009, 24 p.

20. Sahagún B. de. Historia general de las cosas de Nueva España. Available at: http://cdigital.dgb.uanl.mx/la/1080012524_C/1080012524_T1/1080012524_MA.PDF (accessed 11.08.2022).

21. Drowning and Eating Children: Mexican Folklore and the films of Guillermo Del Toro. Available at: <https://www.wickedhorror.com/features/editorials/drowning-and-eating-children-mexican-folklore-and-the-films-of-guillermo-del-toro/> (accessed 01.08.2022).

22. Personaje latinoamericano "El Cucuy o el Coco" invade el parque temático de Universal. Available at: <https://www.sandiegouniontribune.com/en-espanol/sdhoy-personaje-latinoamericano-el-cucuy-o-el-coco-2013sep21-story.html> (accessed 04.10.2021).

23. Горелая А. 13 жутких фольклорных хорроров. [Gorelaya A. 13 zhutkikh fol'klornykh khorrorov. [13 creepy folklore horrors]. Available at: <https://www.soyuz.ru/articles/2246> (accessed 12.07.2022) (In Russ.).

24. Старостенко И. Хоррорология. История фильмов ужасов. «Фольк»-ужасы. [Starostenko I. Khorrorlogiya. Istoriya fil'mov uzhasov. «Fol'k»-uzhasy [Horology. History of horror films. "Folk"-the horrors]. Available at: <https://www.proza.ru/2018/01/20/710> (accessed 04.08.2019) (In Russ.).

Валентина Баглай

25. Углов П. Ирландский хоррор. [Irlandskii khorrор [Irish Horror]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c5e1522af022e00ac884fbf/irlandskii-horrор5e4fc7025033cf582d8784f8> (accessed 22.07.2020) (In Russ.).

26. Сергиенко Я.В. Что такое новый ирландский хоррор? Рассказывает создатель «Вишневого дерева» и «Пробуждающегося леса». [Sergienko Ya.V. Chto takoe novyi irlandskii khorrор? Rasskazyvaet sozdatel' «Vishnevogo dereva» i «Probuzhdayushchegosya lesa». [What is the new Irish horror? Tells the creator of "Cherry tree" and "Awakening forest"]. Available at: <https://kinoreporter.ru/kriminalnoe-chtivo-a-lya-russ-recenziya-na-film-v-kejptaunskom-portu/> (accessed 22.10.2019) (In Russ.).

27. Данилов Д. Кошмар на нашей улице: как русский хоррор выходит из подполья. [Danilov D. Koshmar na nashei ulitse: kak russkii khorrор vykhodit iz podpol'ya. [Nightmare on our street: how Russian horror comes out of hiding] Available at: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3210804/comment/2083760/> (accessed 03.09.2019) (In Russ.).

28. Русалка – монстр, плавающий в нашем подсознании. Обзор. [Rusalka – monstr, plavayushchii v nashem podsoznanii. Obzor. [The mermaid is a monster floating in our subconscious. Review]. Available at: <https://www.film.ru/articles/rusalka-monstr-plavayushchii-v-nashem-podsoznanii> (accessed 18.10.2019) (In Russ.).

Valentina E.Baglay (baglayvalent@yandex.ru)

Doctor of historical Sciences, Professor, Kuban state University, Department of foreign regional studies and Oriental studies

Stavropol Str., 149, 350058 Krasnodar, Russian Federation

The horror genre in the world art. Iberian and Western folklore motifs

Abstract. Modern cinema, including horror films, in search of artistic and commercial success, is persistently looking for successful projects, where the right path is certainly the right choice of characters and plots. The article deals with horror in game cinema, based on the motives of folklore and post-folklore. As an example, the use of images of monsters from the Iberian ethno-folklore, as well as other similar characters in other cultures, is analyzed. The advantage of such scenarios is their originality. Films based on them are guided by traditions, the artistic images of which develop organically in the collective memory of ethnic groups. In addition, invariants are formed that differ in a greater variety than those generated by the imagination of individual cinematographers. Such a direction of horror development is a possible way to overcome cliches in horror films as an essential direction of modern Western cinema.

Key words: horror, cinema, folklore, Spain.

DOI: 10.31857/S0044748X0023819-9

Received 21.08.2022.